

Цзи Шаотин уже не испытывал той паники, что охватывала его в первый раз, когда Ли Чэнь обнял его. Он покорно лежал в объятиях этого человека, которого называл своим мужем, словно был куклой, созданной для успокоения детской натуры Ли Чэня, сдерживаемой с самого детства.

Ли Чэнь только что принял душ, и его руки и ноги были не просто тёплыми, а буквально пылающими, но Цзи Шаотин не чувствовал дискомфорта. Сегодня вечером он был в хорошем настроении, и, по правде говоря, с момента выхода из дома он чувствовал себя легко.

Наконец дыхание снова стало свободным.

Цзи Шаотин тихо рассмеялся, прижавшись к шее Ли Чэня, и заговорил с ним шёпотом, словно они были настоящей парой:

— У вас, господин Ли, есть запах.

— Не может быть, — сразу же возразил Ли Чэнь. — Я только что помылся.

Цзи Шаотину стало смешно:

— Это приятный запах, естественный аромат тела, что-то вроде... запаха солнца? Не знаю, как описать, но мне он очень нравится.

Ночь была глубокой, и Цзи Шаотин совершенно не заметил, как Ли Чэнь замер после этих слов: кровь в его жилах словно застыла, но сердце продолжало биться, так сильно, что казалось, вот-вот разорвётся.

Нравится.

Цзи Шаотин только что сказал, что ему нравится.

Цзи Шаотин продолжил, его просьба была больше похожа на шёпот:

— Можно с вами кое-что обсудить?

Ли Чэнь глухо ответил «Мм», и Цзи Шаотин, не найдя обходного пути, спросил прямо:

— Послезавтра мои бывшие коллеги устраивают вечеринку у себя дома. Вы пойдёте со мной, хорошо?

Ответ Ли Чэня был таким же прямым:

— Хорошо.

Эта готовность была настолько неожиданной, что Цзи Шаотин не смог сдержать удивления:

— Правда?

Цзи Шаотин не знал, что Ли Чэнь сейчас был полностью поглощён его словами «мне это очень нравится», и его сердце было готово взорваться от переполняющих эмоций. Он бы согласился на любое предложение Цзи Шаотина.

— Правда, — подумал Ли Чэнь. — Если ты будешь говорить, что тебе нравится, я достану для тебя даже луну.

Когда он осознал эту абсурдную мысль, его мозг словно отключился, и перед глазами закружились два слова: что это?

Что это?

Он, конечно, знал, что ему нравится Цзи Шаотин, но это было скорее эстетическое наслаждение. Кому не понравится такой красивый и безобидный объект, как Цзи Шаотин?

Но сейчас это чувство было настолько сильным, что выходило за рамки его прежних представлений. Цзи Шаотин всего лишь дал ему неопределённый ответ, а он уже был готов потерять голову и отдать всё, чтобы сделать его счастливым. Ли Чэнь с отвращением посмотрел на себя, такого покорного, и вместе с этим возненавидел и самого Цзи Шаотина.

Он внезапно крепко обнял Цзи Шаотина, почти с мстительной силой, так что тот не мог пошевелиться.

Цзи Шаотин не понимал, что с ним происходит, его кости буквально скрипели от силы объятий, словно он тонул вместе с тем, кто тащил его на дно. Он попытался вырваться, окликнув:

— Господин Ли!

Но услышал лишь грозный приказ:

— Не двигайся!

Цзи Шаотин очнулся, осознав, что свобода была лишь иллюзией. Пока Ли Чэнь, эта настоящая клетка, существовал, он всегда мог легко его заключить.

Ли Чэнь обнимал его так крепко, что их тела сливались в одно, словно разъединение могло содрать с них кожу.

— Тинтин... — Ли Чэнь шептал, как будто накладывая заклинание. — Тинтин...

Такая мрачная, почти убийственная любовь могла заставить человека покориться. Цзи Шаотин даже забыл дышать, лишь слушал, как Ли Чэнь говорил, что они могут пойти на вечеринку:

— Но ты должен их представить...

Цзи Шаотин пролежал с открытыми глазами до глубокой ночи. Наутро Ли Чэнь спросил, почему он выглядит таким измождённым, и он с улыбкой нашёл оправдание:

— Наверное, это из-за того, что я не привык спать в чужом месте.

Ли Чэнь подумал, что он скучает по их дому, и его настроение улучшилось. В его голосе появилась редкая лёгкость:

— Хочешь ещё поспать?

— Нет, — Цзи Шаотин по-прежнему выглядел спокойным. — Сегодня мы не едем на машине, всё в порядке.

Музеи обычно становятся скучнее по мере продвижения, и даже самые удивительные экспонаты могут вызвать эстетическую усталость, если их слишком много. Поэтому Цзи

Шаотин сначала повёл Ли Чэня в греческий зал, а более близкое им восточное искусство оставил на послеобеденное время.

С любой точки зрения Цзи Шаотин был отличным спутником. Он не только заранее оформлял все пропуска, но и мог рассказать историю о каждом экспонате, что даже Ли Чэнь, совершенно не интересовавшийся прошлым человечества, нашёл это занятным.

Возможно, именно поэтому он не сразу заметил усталость Цзи Шаотина, а когда увидел, что тот зевает, его способ выразить заботу был неудачным. Он использовал риторический вопрос, и его выражение лица было скорее укоризненным:

— Разве я не говорил утром, чтобы ты ещё поспал?

Цзи Шаотин почувствовал себя ещё более уставшим. Он вытер слезу в уголке глаза и машинально произнёс:

— Простите.

Брови Ли Чэня оставались нахмуренными, и такой подавленный Цзи Шаотин вызывал у него дискомфорт. Он уже хотел предложить вернуться в отель, так как эти экспонаты не стоили того, чтобы их смотреть, но Цзи Шаотин первым улыбнулся и сказал:

— Если вы не против, я присяду там? Вы закончите осмотр и найдёте меня.

— Вернёмся в отель, — прозвучали три чётких слова.

На лице Цзи Шаотина сразу же появилась живость:

— Как можно! Мы же редко здесь бываем.

Цзи Шаотин не хотел, чтобы Ли Чэнь упустил что-то интересное из-за него. Видя, что тот всё ещё не решается, он почти умоляюще добавил:

— Хотя бы посмотрите на те скульптуры? Они из вашего рода богов.

— Но ты устал, — в его голосе появилась тревога.

— Всё в порядке, я просто посижу там, вы обернётесь — и увидите меня, — взгляд Цзи Шаотина был мягким, и в нём был только Ли Чэнь. — Я никуда не уйду.

И снова так, — подумал Ли Чэнь, глядя на величественных греческих богов.

Каждый раз, когда Цзи Шаотин что-то просил, он не мог отказать. С самого детства он был уверен в себе и мог контролировать всё вокруг, но Цзи Шаотин был единственной нестабильностью в его жизни, которая могла разрушить всё. Казалось, что катастрофа началась из-за него, но только он мог её остановить.

Разлука даже на секунду вызывала у него тревогу. Даже перед лицом великолепных произведений искусства, сохранённых на протяжении тысячелетий, он не мог сосредоточиться, сделав всего несколько шагов, он тут же развернулся и вернулся к Цзи Шаотину.

Неужели он действительно не понимал, что это такое?

Или просто не хотел признавать, что он настолько слаб, что готов отказаться от свободы ради одного человека, отдав все свои чувства ему, чтобы быть заключённым им.

В полдень солнечный свет был ярким, и Цзи Шаотин сидел на скамейке с закрытыми глазами. Рядом с ним висела картина ангела с распростёртыми белоснежными крыльями, которые казались готовыми взмахнуть в любой момент.

Открытое стеклянное окно над ним напоминало врата небес, и порыв ветра унёс облака, позволив золотистому свету пролиться на бледную кожу Цзи Шаотина, играя в его золотистых волосах.

Ли Чэнь замер.

Внезапно всё стало ясно, правда об их отношениях проявилась во всех деталях.

Все звуки исчезли, все фигуры растворились. Остался только Цзи Шаотин, сияющий в центре света, и воспоминания о конце весны, когда он сидел под фонарём, мелькнув в окне машины Ли Чэня.

Неужели он действительно не знал? Почему тогда его сердце дрогнуло?

Потому что он подумал, что встретил ангела, и любовь пришла к нему.

Белый длинный пиджак Цзи Шаотина в его глазах превратился в пару крыльев, свисающих по бокам, готовых в любой момент расправиться и унести его из этого мира, чтобы он никогда больше не вернулся. Его судьба, его вторая половина души, которую человек встречает только раз в жизни, и если упустит — останется калекой навсегда.

Поэтому он тут же нажал на тормоз, поспешно вернулся и глупо спросил, почему он плачет, всем сердцем желая оставить его.

Глаза Цзи Шаотина были затуманены, и ему потребовалось несколько секунд, чтобы сфокусироваться, а затем он улыбнулся:

— Ничего, спасибо.

Он встал, чтобы уйти, но Ли Чэнь схватил его за запястье:

— Я могу тебе помочь, — он не смог подобрать больше слов, лишь повторил:

— Я могу тебе помочь.

Цзи Шаотин открыл глаза и испугался: Ли Чэнь уже стоял перед ним на коленях, его палец нежно касался родинки на виске Цзи Шаотина. Едва тот успел произнести:

— Господин Ли...

Как Ли Чэнь поцеловал его.

Этот поцелуй был совершенно не похож на все предыдущие неопределённые прикосновения. Это было самое явное доказательство любви. Набожно, нежно, чисто и искренне, они заключили друг друга в объятия.

<http://bllate.org/book/16306/1470735>